

Оксана Довгополова

**СМЕХ В ЖИЗНИ ФРАНЦИСКАНЦА XIII В. (ПО МАТЕРИАЛАМ
ХРОНИКИ САЛИМБЕНЕ ДЕ АДАМА)**

Статтю присвячено зверненням до жартів та сміху в Літопису францисканського монаха XIII ст. Салімбене де Адама (Салімбене Пармського). Автор показує, що сміх був дозволений францисканцю як засіб подолання суму. В тексті зроблено наголос на особливостях дозволеності сміху для різних соціальних груп.

Ключові слова: сміх, середньовічна культура, пересічна людина.

Статья посвящена обращениям к шуткам и смеху в Хронике францисканского монаха XIII в. Салимбене де Адама (Салимбене Пармского). Автор показывает, что смех допускался францисканцам в качестве средства преодоления тоски. В тексте сделан акцент на особенностях допустимости смеха для разных социальных групп.

Ключевые слова: смех, средневековая культура, средний человек.

The article is devoted to the referring to jokes and laughter in Chronicle of XIII century's Franciscan monk Salimbene de Adam (Salimbene from Parma). Author shows that laughter was allowed to Franciscan as a tool of sorrow's overcoming. The peculiarities of laughter's permission for different social groups appears emphasized in text.

Keywords: laughter, medieval culture, common person.

Отношение к смеху в средние века – тема странная и неоднозначная. «Тёмное» средневековье представляется порой временем мрачного молчания и ламентаций, в памяти всплывают картинки борьбы со смехом из «Имени Розы» Умберто Эко... Общим местом стало упоминание о постановлении Майнцкого собора (813 г.) о необходимости священникам воздерживаться от слушания музыки и т. п., ибо через глаза и уши входит соблазн. Согласно Бенедикту, отказ от смеха является десятой ступенью восхождения по лестнице смирения (всего ступеней 12) [3, с. 24]. Но рядом с этим рисуются и образы безудержного веселья, ликования, бесконечные «Всеппьянейшие литургии» и вагантские шутки. Чего стоит хотя бы вывеска над винной лавкой цистерцианского аббатства Рена, основанного в 1129 г. – «Весёлый капюшон» [6, с. 116]. Монахи тоже были не прочь посмеяться. Вот на этом моменте хотелось бы остановиться. Автор этого текста не отваживается на попытку описать отношение к смеху в средневековой культуре в целом, но предлагает обратиться к нескольким абзацам из сочинения францисканского хрониста Салимбене де Адама (Салимбене Пармского) [7], которые могут прояснить для нас отношение к смеху в монашеской среде XIII в.

Салимбене, сам не лишённый чувства юмора, пересказывает несколько смешных историй и, что важно для исследователя природы отношения к смеху в средние века, определяет своё отношение к возможности такое рассказывать. Представляется значимым обратиться именно к тексту, созданному монахом, то есть человеком, призванным отрешиться от мира с его радостями. При этом – францисканским монахом, что накладывает определённый отпечаток на отношение к радости в целом (святой Франциск ценил радость). Фигура Салимбене ничем не выделяется на фоне францисканского ордена XIII в., это рядовой монах, труды которого получили известность не благодаря оригинальности мышления, а благодаря тому, что монаху повезло в жизни повстречаться с великими мира сего, рассказ о которых бесценен в качестве исторического источника. Именно в качестве рядового монаха Салимбене интересен автору этих строк – его рассуждения о смехе позволяют представить себе способ мышления среднего человека, что важно для восстановления ментального каркаса эпохи. Итак, нашей целью в данной разведке можно назвать выяснение отношения к смеху во францисканской среде XIII в.

Проблема смеха в средние века в силу своей неоднозначности создаёт поле для разночтений. Как уже было сказано, в средневековых источниках мы встретим спектр высказываний от абсолютного осуждения смеха (традиция, идущая от слов Иоанна Златоуста о том, что Христос никогда не смеялся) до радостного приятия (Франциск Ассизский). Предметом дискуссий и обострённого интереса среди медиевистов смех стал в сороковые годы XX века, после выхода книги Луи Казамиана [10], утверждавшего, что в полные права юмор вступил только в эпоху Ренессанса. Ответом на книгу стали исследования французского медиевиста Флориса Делатра, видевшего истоки английского юмора в нормандском завоевании [13, р. 2], а также американских медиевистов Дж. С. П. Тэтлока [12] и Хелен Адольф [9], опиравшиеся в своих разведках на латинские средневековые тексты, мимо которых прошёл Л. Казамиан. Именно заложенная американскими медиевистами традиция особенно значима в контексте рассматриваемой в данном тексте проблемы. Опираясь на латинские тексты, исследователи касаются именно той прослойки средневекового общества, к которой принадлежал Салимбене. Именно на латинском материале исследует отношение к смеху и Э. Р. Курциус [4]. В своём фундаментальном труде «Европейская литература и латинское средневековье», изданном в 1948 г., Курциус тщательно анализирует характер шуток в латинской средневековой литературе. В последние годы традиция изучения смеха в медиевистике уже оказывается предметом обобщения. Так, изданное в Бельгии в 2003 г.

историографическое исследование Йохана Верберкмоса [13] подводит итоги более чем полувековому опыту работы со средневековым смехом. Обращаясь к вопросам историографии, автор этих строк сознательно не упоминает труды Й. Хёйзинга и М. М. Бахтина. Фундаментальные исследования этих авторов базируются на анализе европейской культуры позднего средневековья. Здесь же рассматривается текст XIII в. в контексте предшествующей традиции.

Надо заметить, что в указанных исследованиях в первую очередь речь идёт о юморе, шутке. Конечно, понятия смеха, юмора, шутки неотделимы друг от друга, однако автора данных строк интересует в первую очередь вопрос о том, как рядовой средневековый монах относился к смеху – прилично ли смеяться? Смеяться, скажем, громко и от души? Над чем можно смеяться? Средневековый монах прекрасно помнил строки из Екклесиаста – «Сетование лучше смеха; потому что при печали лица сердце делается лучше. Сердце мудрых в доме плача, а сердце глупых – в доме веселия» (Еккл. 7: 3–4)... «Потому что смех глупых то же, что треск тернового хвороста под котлом. И это – суета!» (Еккл. 7:6). Суета... Но и уныние не поощряется тем же Екклесиастом. Где же найти правильный путь между весельем души (которая есть дар Божий) и серьёзностью?

Приступая к анализу тех эпизодов Хроники Салимбене, в которых речь идёт о смехе, стоит в двух словах очертить личность автора. Салимбене был францисканским монахом, поступившим в орден пятнадцати лет отроду вопреки желанию семьи, прожившим долгую жизнь, наполненную путешествиями и встречами с удивительными людьми. Он увлекался учением Иоахима Флорского, встречался с Фридрихом II Гогенштауфеном, Людовиком Святым. С французским королем монаху даже случилось отобедать. А знаменитый германский император по поводу Салимбене вступал в переписку с главой францисканского ордена. Францисканец слушал знаменитейших проповедников и оставил нам, к примеру, замечательное описание проповеди Бертольда Регенсбургского. Хронику свою Салимбене писал на склоне лет, когда ему было больше шестидесяти – в 1282–1287 годах. Он уже имел право сказать, что на его глазах начинались, расцветали и исчезали целые эпохи, воплощенные в личностях великих монархов. При этом хроника удивительно автобиографична, наполнена множеством собственных рассуждений, не связанных напрямую с сюжетом. Монах любит просто рассказать о том, что думает, и именно это делает его хронику таким значимым источником для изучения способа мышления средневекового человека.

В рассуждениях Салимбене важно то, что он мало следует правилам «литературных приличий». Эту особенность авторского стиля Салимбене описал П. М. Бицилли, к работам которого имеет смысл отослать читателя в этом контексте [1]. Средневековый автор, как правило, тиражирует описания, соблюдая условности жанра. При этом, как замечал П. М. Бицилли, «пользование готовыми формулами не было следствием неумения иначе выразить свою мысль. Не было оно и результатом неумения индивидуализировать. Употребление формул диктовалось хорошим тоном, правилами литературных приличий, должно было свидетельствовать о начитанности» [1, с. 296]. Используя формулы, шаблоны, автор демонстрировал свою принадлежность к определённой традиции. Чем образованнее автор, тем более отточен его стиль, тем более виртуозно использует он известные приёмы. Для современного историка в этой ситуации подлинной находкой окажется автор, не особенно искушённый в писательском мастерстве. Как раз таким и был Салимбене. П. М. Бицилли с долей иронии замечает, что, «к счастью, Салимбене зачастую забывает о литературных приличиях». Салимбене не принадлежал к кругу интеллектуалов высшего разряда. Недаром он был францисканцем «первой волны» (его принимал в орден последний из братьев, принятых непосредственно Франциском) – подозрительно относящимся к умствованиям и излишней приверженности книжной учености. Он был хорошо подготовленным проповедником (для получения права проповедовать надо было пройти жесткий профессиональный отбор), но общий уровень его образованности был невысок. Такими, как он, кишел орден. Поэтому ему было легче писать, «как Бог на душу положит». «Ему не в большей мере присущ “дух нового времени”, “раннего возрождения”, чем многим из его современников во Франции или в Италии, он просто невежественнее их. Школьная техника его меньше стесняет и именно этому мы обязаны теми прелестными рассказами, которых так много в его Хронике» [1, с. 297–298]. Именно вот такая способность выскочить из рамок приличий жанра и делает Хронику Салимбене уникальным источником для изучения механизмов мышления рядового человека средних веков.

В каких же случаях Салимбене обращается к смеху? Он пересказывает несколько смешных историй, причём обязательно определяет своё отношение к ситуации. Современному читателю некоторые из упомянутых Салимбене шуток известны в пересказе Умберто Эко – их цитирует главный герой «Имени Розы» Вильгельм Баскервильский, аргументируя своё отношение к смеху. Для У. Эко, описывавшего повседневную жизнь

монахов XIII века, видимо, были значимы именно эти примеры, вышедшие из-под пера рядового монаха-францисканца.

Салимбене ценит хорошую шутку и, если слышит нечто достойное, не упустит возможности пересказать. К примеру, с явным удовольствием описывает он шутки флорентинцев. Когда во Флоренцию собрался брат Иоанн Виченский из братьев-проповедников, горожане заявили: «Ради Бога, пусть не приходит сюда. Ведь мы слышали, что он воскрешает мертвых, а нас и без того так много, что мы не можем поместиться у себя в городе». Салимбене комментирует: «И очень хорошо звучат слова флорентинцев на их наречии» [7, с. 92]. Салимбене неоднократно обращается к зубоскальству флорентинцев, из среды которых вышли такие «эталонные» шутники, как учитель грамматики Бонкомпаньо и минорит Диотисальви. Бонкомпаньо, к примеру, как-то подшутил над согражданами, пообещав им, что полетит, а они смогут на это посмотреть. Когда собралась тьма народа, Бонкомпаньо сказал: «Ступайте с Богом, и да будет вам достаточно того, что вы узрели лик Бокомпаньо» [7, с. 87]. К Диотисальви мы ещё вернёмся. Флорентинцы, судя по всему, отличались острым языком, и не всегда их шутки были столь невинны.

Не отказывая себе в пересказе ситуаций, вызывающих взрывы смеха, Салимбене не всегда уверен в допустимости таких реакций. Иногда может возникнуть ощущение, что он осуждает шутника. К примеру, рассказывая о розыгрышах Бонкомпаньо, Салимбене вскользь бросает замечание о том, что тот умер в богадельне. Может быть, это справедливая расплата за зубоскальство? Однако, тон хрониста здесь скорее сострадательный, чем осуждающий. Скорее всего, в данном случае замечание появляется без всякой морали, просто как констатация факта. Однако для Салимбене возможность смеяться и шутить вовсе не является очевидной.

Оправдывая для себя собственное желание поделиться смешным, Салимбене приводит бесценные для исследователя средневекового смеха аргументы. Так, рассказывая о папе Иннокентии III, Салимбене замечает, что папа был человеком, который «в ткань своих забот» вплетал «порой и веселье». Так, когда однажды некий жонглер из Анконской марки приветствовал его словами: «Папу Иннокентия, / Смертных просветителя, / Приветствует Скатуччи, / О господин мой лучший!», папа в ответ ему сказал: «Откуда ты, Скатуччи?». Скатуччи: «Из замка Рекано. / Я родился там». Папа: «Если в Рим твоя дорога, / То даров получишь много».

«Так сказал ему папа, как тому учит грамматика: “В каком духе вопрос, в таком же духе должен быть и ответ”, – ибо как жонглер говорил нескладно, так и ответ получил нескладный» [7, с. 39–40].

Таким образом, сомнения в допустимости шуток для главы христианской церкви приводят Салимбене к утверждению необходимости отвечать в меру глупости вопрошающего. Если б папа говорил всерьёз в этой ситуации, он был бы неправ. Более выпукло логика такого оправдания юмора видна в описании шутки минорита Диотисальви (Умберто Эко в «Имени Розы» приписывает её францисканцу Павлу Миллемоска) – когда Диотисальви растянулся на льду, горожане над ним смеялись и кричали, не хочет ли он что-то мягкое под себя подложить. На что монах отшутился, что желал бы жену спрашивающего [7, с. 88]. Шутка явно выходит за границы дозволенного для монаха, поэтому Салимбене дотошно разбирает все за и против подобного зубоскальства. Аргументация занимает две страницы текста. В итоге Салимбене приходит к заключению о том, что Диотисальви может быть оправдан, хотя слова его не надо приводить в качестве примера. Он ответил по глупости (отвечай глупому по глупости его, дабы не стал он мудрецом в глазах своих). Он не имел в виду буквального значения своего высказывания, т. е. не имел в виду, что всерьёз готов был подложить под себя жену насмешника, просто был человеком, любящим шутку. И, кроме того, он ведь сказал это согражданам, которые не извлекли из этого дурного примера, ибо и сами были величайшими весельчаками и насмешниками [7, с. 88–90]. Надо сказать, что именно эту шутку Диотисальви Салимбене считает наиболее удачной, упоминая при этом ещё несколько.

Средневековое чувство юмора не отличалась соблюдением норм политкорректности. Следующая история также упоминается в «Имени Розы», на сей раз с отсылкой к тому же персонажу, что и у Салимбене. Итак, уже упомянутый брат Диотисальви из ордена миноритов как-то был приглашен братьями-проповедниками остаться на трапезу. Францисканец заявил, что останется в том случае, если ему подарят кусок рубашки брата Иоанна как реликвию. Получив просимое, Диотисальви отправился в отхожее место, подтерся этим куском, и бросил в дыру. После этого минорит принялся звать братьев-проповедников помочь ему поискать реликвию (с воплями о потере), орудия при этом в отхожем месте палкой, чтобы запах был больше [7, с. 88]. Взаимные издевательства представителей нищенствующих орденов общеизвестны, но подобные шутки – это, вероятно, чересчур. Нельзя сказать при этом, чтоб Салимбене возмутил сам поступок, он просто не признаёт эту шутку самой удачной.

Салимбене не был бы средневековым монахом, если бы не подтвердил свои суждения авторитетными высказываниями. Рассуждая о смехе и степени дозволенности веселья, хронист приходит к выводу, что

развлечением люди предаются либо по суетности, либо чтобы разогнать тоску [7, с. 163]. Если человеку нужно разогнать тоску, то можно и должно развлекаться и смеяться. Этот вывод подтверждается и Писанием. Притч 17, 22: «Веселое сердце благотворно, как врачевство, а унылый дух сушит кости». Сир 30, 22–25: «Не предавайся печали душею своею и не мучь себя своею мнительностью; веселье сердца – жизнь человека, и радость мужа – долголетие; люби душу твою и утешай сердце твое и удаляй от себя печаль, ибо печаль многих убила, а пользы в ней нет». Для францисканца естественно, что веселиться свойственно человеку.

Смех – не обязательно проявление суетности или легкомысленности (хотя возможно и это), смех может быть средством защиты, средством избавиться от тягостных дум («разогнать тоску» по Салимбене). Когда мы говорим о взаимном осмеивании мирян и монахов, стоит помнить, что францисканец вовсе не был объектом однозначного почитания и восхищения, как это может показаться современному человеку. Хроника Салимбене изобилует примерами насмешек над нищенствующими монахами. Сам Салимбене ощутил это с первых дней пребывания в ордене. Отец юного монаха, пытаясь воспрепятствовать поступлению сына в орден, издевательски обзывал францисканцев «мочерясниками». А как-то раз на идущего по улице Салимбене наткнулся некий пармез, который тут же поднял крик, что у отца куча всего, а этот, позорище, ходит по дворам, выпрашивая гнилой кусок. Юный францисканец был настолько подавлен этой ситуацией, что ночью его посетили сомнения и печальные мысли о долге и наполненном постыдным трудом пути. Салимбене было стыдно просить милостыню. «...Стал я в тот вечер перебирать в уме всё, что увидел и услышал, и думал о том, что если я проживу в ордене пятьдесят лет, нищенствуя таким образом, то у меня будет не только долгий путь, но к тому же постыдный и невыносимый, сверх меры, труд» [7, с. 52]. Потребовалось вмешательство Господа, ниспославшего ему сон, в котором Иисус, Мария и Иосиф ходили по домам за милостыней [7, с. 52–53]. Не потому ли с таким удовольствием Салимбене пересказывает истории, скажем, о Диотисальви с его острыми ответами хохочущим горожанам? Смех в данной ситуации оказывается прекрасным оружием. Диотисальви выходит победителем из схватки с насмешником. Монах (особенно нищенствующий, постоянно пребывающий в гуще народа) как часть средневекового социума не стесняется пользоваться тем же оружием, которое пытались обратить против него. Салимбене не может назвать это действие похвальным, однако и не осуждает.

В меру хохотнуть нищенствующему монаху не представлялось ненормальным. С точки зрения францисканцев, человек должен не впадать

в уныние, ибо уныние – грех, оно ведёт к грехам серьёзным, в конечном итоге может заставить человека разочароваться в жизни. Святой Франциск считал, что печаль – от демонов. Если человек радостен, демоны не смогут ему навредить. Франциск называл себя «*joculator Dei*» – «жонглер Божий» [5, с. 713]. Проповеди нищенствующих монахов изобиловали шутками и примерами для лучшего понимания [5, с. 713]. Салимбене как францисканец отталкивается в своём понимании радости от этих слов Франциска. Говоря о шутках в проповедях францисканцев и в их перешучивании с горожанами, стоит заметить, что смех в данном случае – не только оружие, но и своего рода средство социальной коммуникации. Вспомним слова Салимбене о Диотисальви и горожанах-шутниках – Диотисальви сам любил добрую шутку, и сказал это согражданам, которые не извлекли из этого дурного примера, ибо и сами были величайшими весельчаками и насмешниками. Отпустить шутку, вызвавшую взрыв хохота, в данной ситуации означало и демонстрацию способности к социальной коммуникации – я говорю с вами на одном языке. Сама идеология францисканцев была ориентирована на пребывание в гуще людей, самых обыкновенных, не обязательно образованных, поэтому для францисканца естественно использовать те же знаковые системы, что и у их аудитории.

На основании наблюдений за смехом монаха невозможно сделать вывод об отношении к смеху всего средневекового общества. Шкала допустимости вольностей была неодинакова даже внутри монашеского сообщества. То, что было допустимо для францисканца, может очень отличаться от представлений о приличиях, скажем, в ордене бенедиктинцев. Напомню об отказе от смеха в лестнице совершенства бенедиктинцев. Здесь свой отпечаток накладывают как цели монашеских орденов, так и время их создания. Нищенствующие ордена как порождение высокого средневековья возникли в тот момент, когда общее отношение к умеренной весёлости стало позитивным – А. Я. Гуревич считает переломным в этом отношении XII в. [2, с. 281]. Кроме того, право на смех, очевидно, было сословным. К примеру, короли в средневековых источниках смеются громко и много. Вот, скажем, король Конрад I в описании хрониста Эккехарда во время визита в Санкт-Галлен 911 г. смеётся много и охотно [8, с. 50]. Хронист несколько раз подчёркивает готовность короля громко смеяться, особенно при взгляде на натянутые лица монахов во время пиршества с гистрионами, устроенного монархом [8, с. 55]. Ж. Ле Гофф обращает внимание на то, что Людовик Святой в описании Жуанвиля часто «звонко смеётся» [5, с. 159, 283, 373]. Дж. С. П. Тэтлок замечает даже, что Людовик демонстрировал новый тип

придворных манер, согласно которым король должен был забавлять и смешить придворных [12, р. 290–294]. Громкий смех неприличен не всем. Смех оказывается обязательным спутником куртуазной культуры – невозможно не заметить, что обязательной характеристикой куртуазного героя оказывается хорошее чувство юмора. Про стихи вагантов даже как-то неловко вспоминать в этом контексте – настолько очевидна готовность их авторов громко и безудержно смеяться. Примеры можно множить, мы приводим их не для создания полноты картины, а для демонстрации невозможности вывести «среднестатистический» показатель допустимости смеха для средневекового человека.

Возможно, средние века в целом являются как раз той эпохой, когда в исследовании смеха надо быть крайне осторожными в обобщениях. Каждая социальная группа в силу особенностей своего статуса, назначения, происхождения задавала собственные параметры поведения. Мы не можем даже говорить, скажем, о смехе у монахов в целом. Различие между традиционными и нищенствующими орденами в этом контексте очевидно (хотя и «серьёзность» бенедиктинцев нельзя абсолютизировать – упоминавшийся уже «Весёлый капюшон» открыли именно они). Прочтение Хроники Салимбене даёт нам возможность понять, что для рядового францисканца XIII в. смех не был табуирован. Радость воспринималась основателем ордена как основа благочестия, поэтому и последователи св. Франциска не шарахались от умеренной весёлости. Салимбене в своём неумении следовать канону и правилам литературных приличий приоткрывает нам завесу над повседневной жизнью нищенствующего монаха, находящегося всё время в окружении мирян и потому говорящего с ними на одном языке. Держа в уме слова Екклесиаста о смехе, францисканец, тем не менее, видит в нём не только проявление суетности, но и средство развеять тоску, и искусство показать дураку его глупость. В рассуждениях Салимбене мы видим требование (не просто оправдание, а именно императив) отвечать глупцу в меру его глупости, дабы он не возомнил себя мудрым, ориентируясь на твои ответы. Понимая, что зубоскальство (особенно со стороны монаха!) может послужить дурным примером для мирян, Салимбене тщательно анализирует случай взаимного осмеяния монаха и мирян, взвешивает все за и против. Обращение к этому анализу даёт нам понять, что францисканцу вовсе не «предписывается» смеяться, но в ряде случаев это может быть признано допустимым – все участники перепалки по поводу поскользнувшегося Диотисальви хорошо знают друг друга и понимают, что происходящее – просто «трёп», рождённый их весёлым нравом. Салимбене с искренним удовольствием описывает шутки флорентинцев, признавая их источником природную

весёлость нрава. Для Салимбене, таким образом, принципиально важным оказывается мотив смеющегося. Если источником смеха оказывается суетность – это дурно, а если человек смеётся, чтобы поддержать компанию или развеять тоску – это вполне допустимо и даже похвально. Ведь очень опасно поддаваться унынию. Текст Хроники недвусмысленно демонстрирует искреннее удовольствие, которое Салимбене получал от хорошей шутки и возможности в меру посмеяться.

1. Бицилли П. М. Салимбене (Очерки итальянской жизни XIII в.).– Одесса, 1916.– 390 с.
2. Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры.– М.: Искусство, 1981. – 359 с.
3. Карсавин Л. П. Монашество в средние века.– СПб: Брокгауз-Эфрон, 1912.– 110 с.
4. Курціус Е. Р. Європейська література і латинське середньовіччя / Переклад з нім. А. Онишко.– Львів: Літопис, 2007.– 752 с.
5. Ле Гофф Ж. Людовик Святой.– М.: Ладомир, 2001.– 800 с.
6. Мулен Лео. Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы. X–XV века.– М.: Мол. гвардия, 2002.– 346 с.
7. Салимбене де Адам. Хроника / Пер. с лат.– М.: РОССПЭН, 2004.– 984 с.
8. Усков Н. Ф. Кочующие короли: государь и его двор в монастыре // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда.– М.: Алетейя, 2001.– С. 33–67.
9. Adolf H. On Mediaeval Laughter // Speculum.– Vol. 22, No. 2 (Apr., 1947).– P. 251–253.
10. Cazamian L. The Development of English Humour.– NY.: Macmillan, 1930.
11. George M. An Austere Age without Laughter // Misconceptions about the Middle Ages / Ed. by Stephen J. Harris and Bryon L. Grigsby. Origin: http://www.the-orb.net/non_spec/missteps/ch10.html.
12. Tatlock J. S. P. Mediaeval Laughter // Speculum.– Vol. 21, No. 3 (Jul., 1946).– P. 289–294.
13. Verberckmoes J. What about Medieval Humour? Some historiography // Risus mediaevalis: laughter in medieval literature and art.– Leuven University Press, 2003.– P. 1–10.